

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. “Сосновая горка”.....	9
Глава 2. Абитура	47
Глава 3. Первый семестр.....	69
Глава 4. Весенняя сессия.....	115
Глава 5. Лето	142
Глава 6. Нелегалка.....	160
Глава 7. Нигде	191
Глава 8. Перемены	230
Глава 9. Новая жизнь.....	283
Глава 10. Южный берег Крыма	320
Глава 11. В городе.....	338
Глава 12. Лиля.....	365
Глава 13. В конце	402

*Татьяне Толстой с благодарностью
и восхищением*

ГЛАВА 1

“СОСНОВАЯ ГОРКА”

В дверь позвонили, когда Спица только-только прикурила. Она вздохнула, отгоняя дым. Открывать только ей, хотя бы потому, что она стоит. Тата, вернувшись из какого-то блуда — две ночи не было, — спала, свернувшись изящным калачом, а Важенка мыла голову в ванной. Еще две обитательницы двухкомнатной общажной хрущевки уехали в город или по магазинам где-то здесь, в Сестрорецке. Зажав сигарету в уголке рта, она возилась с замком.

За дверью стояли старший администратор Глебочкина в шляпке-таблетке с вуалью, комендантша и парочка комсомольских прихвостней с тетрадкой. Ну, как стояли — подергивались от нетерпения. Примерно раз в два-три месяца они врываются в квартиры персонала “Сосновой горки” с целью найти и изъять притыренные из пансионата продукты и инвентарь. Рейд любили начинать с общажной элиты, с поваров, — из их квартир разве

что дым не валил в эти минуты: распаренная Глебочкина вытаскивала оттуда коробки с растворимым кофе, чаем, горошком и джемами “Глобус”, компотами ассорти, забирали все, на чем был артикул, а вот мясо и колбасу не вырвать, повара костями ложились — докажите сначала! Пока там рубились, остальные квартиры стремительно заметали следы.

Обычно комиссию встречали уже приветливо, в чистенькой, скромной обстановке, без излишеств. На стене плакат сияющей “АВВА” — блески, улыбки, еще сплоченные, накрепко женатые друг на друге. У Спицы над кроватью великий плюшевый сюжет, целый коллектив настороженных гордых оленей. Покрывала натянуты.

Сегодня начали с горничных. Твою мать, подумала Спица, прикрыв от дыма левый глаз.

Отступила в сторону, пропуская “налетчиков”. Они сразу пробежали в центр комнаты.

— Вот, полюбуйтесь, Любовь Викторовна, — комendantша всплеснула руками на зеленую настольную лампу. — Ваша же! Вот как они проносят?

Обычно все разговоры с администрацией вела Лара Василенок, высокая красавица белоруска, умеющая спокойно и нельстиво договариваться с властью, жалящая их каким-то особым уважительным подходцем. Она кивала, сокрушалась, недоумевала, не предавая при этом ни себя, ни девочек, умела объяснить и отстоять многие вещи, и вот уже незваные гости причитают на пороге: “Вы уж, Ларочка, приглядите за ними, вы постарше будете, девочки

без родителей, из деревни многие, вот и не знают, как надо”.

— Я сама из деревни, — Лара горделиво откидывала голову назад.

— Оно сразу и видно, — приглушала голос комендантша, имея в виду уже что-то хорошее, патриархальное.

Лара обещала приглядеть, хлопала дверью — руки в боки, — выдыхала матерно. Но Лары нет, а Спица поддерживать такой скользкий разговор не умела.

— Так вроде вы сами дали нам эту лампу при заезде, — Спица сама не знала, на что надеялась.

— Спицына, да ты совсем, что ли? — задохнулась комендантша. — И шторы эти выдала, и плед немецкий. Девки, да вы совсем оборзели! Голикова, хватит делать вид, что ты спишь.

Комендантша подскочила к Тате и содрала с нее отличный гэдээровский плед. Спица поморщилась. Сонная Тата красиво выгнулась, потягиваясь, села на кровати. “Слушайте, вы так кричите”. Вполне по-светски высказалась.

Комендантша уже колотила в дверь ванной.

— Кто там? — Глебочкина ткнула в Тату подбородком.

— Любовь Викторовна, я спала, вы же видели, — желто-зеленые глаза Таты совсем прозрачные, с крапинкой.

— Там Ира наша, — сообщила Спица.

— Важина, открывай давай, — комендантша снова нервно подергала дверную ручку.

— Сейчас, сейчас, — кричит из-за двери Важенка.

Вышла красная, мирная, в жирном креме и махровом халате Лары, тюрбан на голове. Вот в этот-то тюрбан и вцепились проверяющие взгляды.

— Мама полотенчико прислала, — любовно потрогала тугой узел Важенка.

Из ванной разочарованная комиссия вышла через минуту.

— Игорь Кио, — усмехнулась Глебочкина прямо в Важенкины глаза. — А где все полотенца? Можно подумать, вы без них обходитесь.

— Девочки, — строгая Важенка повернулась к Спице и Тате. — Где ваши полотенца?

* * *

Два казенных полотенца она быстро обернула в коричневое платье Лары, сорвав его со змеевика. Бесшумно сдвинула в сторону стиральные и чистящие порошки, белизну, соду, толпившиеся у чугунных ножек ванны, и сверток туда, под нее, в самый дальний угол — без фонарика точно не разглядеть. Еще одно полотенце обмотала на талии, а сверху Ларин объемистый халат.

Все курят, смеются вокруг Важенки и ее рассказов. А ей не остановиться, говорит, говорит, глазом косит немного.

— Да им уже наплевать было на полотенца, вон лампу и пледы прихватили и рады-радехоньки, — Спице ревниво, что Важенка так разливается, словно отстояла вещи, а это же не так.

Хотя эти пледы “студентки” и притащили, так называли тут Важенку и Тату. Летом они вместе прова-

лили вступительные на психфак университета, вот и вкальвают горничными в пансионате на заливе, чтобы в июне уйти отсюда навсегда. Держатся вместе и немного особняком. Мысли об учебе — редкость в кирпичной серой пятиэтажке. Здешний народец за прописку ленинградскую рубится, три года — и постоянка, потому иногда Спице кажется, что от парочки тянет ледяным ветерком презрения. Тата еще ничего, нормальная девчонка, красивая очень, а вот Важина...

Спица не любила оставаться с Важенкой наедине. В эти минуты становилось особенно понятно, что Зои Спицыной для Важенки не существует. Пустое место. Она умудрялась говорить с ней, улыбаться, кивать, не замечая Спицы, мазала взглядом или вовсе смотрела сквозь нее с сонной слезой. А вот Тату и остальных Важенка видела, Ларой так вообще восхищалась — для кого она сейчас так щебечет. Даже пергидрольная блудня Анька ее смешила и трогала. Хотя и здесь было ясно, что ставит себя Важина выше других.

Однажды Спица догадалась, что девочки не замечают Важенкиной двуличности, потому что для каждой у нее есть свой театр: для Лары она восхищенная маленькая девочка, Аньку и Тату опекает, и те смотрят ей в рот, но со Спицей она даже не считала нужным играть, отдыхала на ней.

И главное, было бы чем гордиться.

Невысокого роста, бледная, порывистая, с прямыми темными волосами, веки припухшие, когда смеется, глаз вообще не разглядеть, симпатичная, если накрадется, худощавая, обычная.

То ли дело Тата со своими русалочьими глазами. В Тате нежность и свет, невесомость, это Ларин любовник Левушка сказал. Розовые губы, нос с горбинкой, узкие ступни, силуэты. Легкие соломенные локоны заколоты на макушке зубной щеткой, авторучкой, спицей, что под руку — так и болталась по дому и пансионату, красиво ей. Или Лара: у той не силуэты — у той статья, фактура, долгая шея, вокруг которой приплясывают длиннющие серьги, и темные винные губы. Из-за тяжелой медной копны, скрученной на затылке в толстую косу или хвост, фарфоровый нос чуть задирается. Веснушками облита с головы до пяток. Две красавицы на весь Сестрорецк, и обе в их квартире.

Правда, фигурка у Важиной точеная, но сутулится, и что тогда с этой фигурки? Да и задница плоская, нет задницы.

На столе уже масленка, и Важенка режет теплый ленинградский, Тата мешает ей, пальцы под нож, собирает на подушечки арахис с досочки, запыленной сахарной пудрой. Лара заваривает чай: Ларочка, ну обдай кипяточком сначала, не ленись. Анька хвастает польской сумкой, урвала в галантерее на Финбане, пока электричку ждала. Сумка такая — черный сияющий заменитель, от кожи не отличить, верх, как у почтальона, перекидывается и на брусочек замка — шелк, а наплечный ремень убегает в саму сумку, подхватывает ее с боков и по дну, рядом с замком фирма, неброско, серебряной прописью, — хорошая сумочка. Спица на вытянутой руке вертит ее со всех сторон, смотрит, отклонившись: Анька, продай! Ага, щас,

смеется довольная Анька. Ей не терпится выбросить старую — там уже ручки в хлам и подкладка по шву разошлась.

— Стоп! — кричит Важенка, отряхивает ладони от сахарной пыли. — Мне старую, мне, мне.

Свистит оранжевый чайник на газовых прозрачных лепестках. Вот зачем ей старая рвань?

* * *

Они осторожно выскользнули из дверей служебного входа и огляделись. Никого. С залива задул ледяной ветер, Тата схватилась за берет: бежим. До соснового леса — предательски лысые сто пятьдесят метров, где их еще могут заметить. Ветер, подхватив под мышки, сам понес их к соснам. В тканевых сумках, болонья и мешковина, погромыхивает стеклотара, собранная в комнатах отдыхающих. Пять бутылок — полкило “Докторской”, как ни крути. Ну, или 0,75 белого столового. Ветер гудит в ушах — мы птицы! — толкается в спину, помогает, молодец. Низкие графитовые тучи стремительно бегут с ними. В лесу Важенку и Тату душат смех и восторг. Крепко пахнет грибами и мокрым мхом. Сосны от холода поджимают корни, кончается октябрь.

В “Сосновой горке” они с августа, но убежать с работы уже в обед придумали недавно. Как только Глебочкина с врачихой устремлялись в столовую, где им было накрыто на белых скатертях, Важенка с Татой крались к служебному входу, потом сто пятьдесят бешеных метров и сосняком к автобусной остановке — успевали на двухчасовой.